

Свидригайлов

Перечитайте 6 часть романа

Перечитайте часть VI романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»

Вернёмся к разговору о Свидригайлове. Итак, читатель знает, что Свидригайлов – двойник Раскольникова. Они оба преступники (темы убийства и прелюбодеяния у Достоевского часто звучат вместе); оба, совершая преступление, сомневаются в том, что муки совести существуют, полагают, что совесть – форма страха; оба, наряду с крайне жестокими, совершают благородные и милосердные поступки; обоим являются привидения и снятся сны, граничащие с явью. Оба задумываются о жизни бесконечной, и видение комнатки с пауками пугает Раскольникова мыслью о справедливости посмертного возмездия.

Раскольников задумывается о самоубийстве, но не решается на него. Раскольников считает это слабостью. Для Достоевского расколотасть Раскольникова, его нерешительность, двойственность – это возможность новой жизни, возможность воскресения.

Часть VI, глава V

- Свидригайлов вынуждает Дуню последовать за ним и рассказывает о том, что её брат – убийца. Дуня, судьба которой с первых страниц романа соотнесена с судьбой Сони, слушает рассказ Свидригайлова на том же месте, где Свидригайлов подслушивал Раскольникова. Она потрясена так же, как Соня, так же не может и не хочет верить. Напряжение нарастает.

«— Сильно подействовало! — бормотал про себя Свидригайлов, нахмурясь. — Авдотья Романовна, успокойтесь! Знайте, что у него есть друзья. Мы его спасем, выручим. Хотите, я увезу его за границу? У меня есть деньги; я в три дня достану билет. А насчет того, что он убил, то он еще наделает много добрых дел, так что всё это загладится; успокойтесь. Великим человеком еще может быть. Ну что с вами? Как вы себя чувствуете?»

— Злой человек! Он еще насмехается. Пустите меня...

— Куда вы? Да куда вы?

— К нему. Где он? Вы знаете? Отчего эта дверь заперта? Мы сюда вошли в эту дверь, а теперь она заперта на ключ. Когда вы успели запереть ее на ключ?

— Нельзя же было кричать на все комнаты о том, что мы здесь говорили. Я вовсе не насмехаюсь; мне только говорить этим языком надоело. Ну куда вы такая пойдете? Или вы хотите предать его? Вы его доведете до бешенства, и он предаст себя сам. Знайте, что уж за ним следят, уже попали на след. Вы только его выдадите. Подождите: я видел его и говорил с ним сейчас; его еще можно спасти. Подождите, сядьте, обдумаем вместе. Я для того и звал вас, чтобы поговорить об этом наедине и хорошенько обдумать. Да сядьте же!

— Каким образом вы можете его спасти? Разве его можно спасти?

Дуня села. Свидригайлов сел подле нее.

— Всё это от вас зависит, от вас, от вас одной, — начал он с сверкающими глазами, почти шепотом, сбиваясь и даже не выговаривая иных слов от волнения.

Дуня в испуге отшатнулась от него дальше. Он тоже весь дрожал.

— Вы... одно ваше слово, и он спасен! Я... я его спасу. У меня есть деньги и друзья. Я тотчас отправлю его, а сам возьму паспорт, два паспорта. Одиночного, другой мой. У меня друзья; у меня есть деловые люди... Хотите? Я возьму еще вам паспорт... вашей матери... зачем вам Разумихин? Я вас также люблю... Я вас бесконечно люблю. Дайте мне край вашего платья поцеловать, дайте! дайте! Я не могу слышать, как оно шумит. Скажите мне: сделай то, и я сделаю! Я всё сделаю. Я невозможное сделаю. Чему вы веруете, тому и я буду верить. Я всё, всё сделаю! Не смотрите, не смотрите на меня так! Знаете ли, что вы меня убиваете...

Он начинал даже бредить. С ним что-то вдруг сделалось, точно ему в голову вдруг ударило. Дуня вскочила и бросилась к дверям.

— Отворите! отворите! — кричала она чрез дверь, призывая кого-нибудь и потрясая дверь руками. — Отворите же! Неужели нет никого?

Свидригайлов встал и опомнился. Злобная и насмешливая улыбка медленно выдавливалась на дрожавших еще губах его.

— Там никого нет дома, — проговорил он тихо и с расстановками, — хозяйка ушла, и напрасный труд так кричать: только себя волнуете понапрасну.

— Где ключ? Отвори сейчас дверь, сейчас, низкий человек!

— Я ключ потерял и не могу его отыскать.

— А! Так это насилие! — вскричала Дуня, побледнела как смерть и бросилась в угол, где поскорей заслонилась столиком, случившимся под рукой. Она не кричала; но она впиалась взглядом в своего мучителя и зорко следила за каждым его движением. Свидригайлов тоже не двигался с места и стоял против нее на другом конце комнаты. **Он даже овладел собою, по крайней мере снаружи. Но лицо его было бледно по-прежнему. Насмешливая улыбка не покидала его.**

— Вы сказали сейчас «насилие», Авдотья Романовна. Если насилие, то сами можете рассудить, что я принял меры. Софьи Семеновны дома нет; до Капернаумовых очень далеко, пять запертых комнат. Наконец, я по крайней мере вдвое сильнее вас, и, кроме того, мне бояться нечего, потому что вам и потом нельзя жаловаться: ведь не захотите же вы предать в самом деле вашего брата? Да и не поверит вам никто: ну с какой стати девушка пошла одна к одинокому человеку на квартиру? Так что, если даже и братом пожертвуете, то и тут ничего не докажете: насилие очень трудно доказать, Авдотья Романовна.

— Подлец! — прошептала Дуня в негодовании.

— Как хотите, но заметьте, я говорил еще только в виде предположения. По моему же личному убеждению, вы совершенно правы: насилие — мерзость. Я говорил только к тому, что **на совести вашей ровно ничего не останется, если бы даже... если бы даже вы и захотели спасти вашего брата добровольно, так, как я вам предлагаю.** Вы просто, значит, подчинились обстоятельствам, ну силе, наконец, если уж без этого слова нельзя. Подумайте об этом; судьба вашего брата и вашей матери в ваших руках. Я же буду ваш раб... всю жизнь... я вот здесь буду ждать...

Свидригайлов сел на диван, шагах в восьми от Дуни. **Для нее уже не было ни малейшего сомнения в его непоколебимой решимости.** К тому же она его знала...»

Перечитывая этот фрагмент, обратите внимание на то, как меняется состояние героя и отношение к нему читателя. Читатель знает, что Свидригайлов прелюбодей, своё чувство к Дуне он сам называет страстью («Да ведь предположите только, что и я человек есмь, et nihil humanum... одним словом, что и я способен прельститься и полюбить (что уж, конечно, не по нашему велению творится), тогда всё самым естественным образом объясняется. Тут весь вопрос: **изверг ли я или сам жертва?** Ну а как жертва? Ведь предлагая моему предмету бежать со мною в Америку или в Швейцарию, я, может, самые почтительнейшие чувства при сем питал, да еще думал обоюдное счастье устроить!.. **Разум-то ведь страсти служит;** я, пожалуй, себя еще больше губил, помилуйте!..» Часть IV, глава I). Но, признаваясь в любви к Дуне в этом эпизоде, он говорит потрясающие по силе слова: **«Я невозможное сделаю. Чему вы веруете, тому и я буду веровать».** Не об этом ли думает Соня, читая Раскольникову Евангелие (« «И он, он — тоже ослепленный и неверующий, — он тоже сейчас услышит, **он тоже уверует,** да, да! сейчас же, теперь же», — мечталось ей, и она дрожала от радостного ожидания», - часть IV, глава IV). В этом видит автор спасительную силу любви, любовь — объединяющая сила, поэтому «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:19,20)

- Читатель видит сходство эпизодов, ситуация дублируется, но исход, финал эпизода другой:

«Вдруг она вынула из кармана револьвер, взвела курок и опустила руку с револьвером на столик. Свидригайлов вскочил с места.

— Ага! Так вот как! — вскричал он в удивлении, но злобно усмехаясь, — ну, это совершенно изменяет ход дела! **Вы** мне чрезвычайно облегчаете дело сами, Авдотья Романовна! Да где это **вы** револьвер достали? Уж не господин ли Разумихин? Ба! Да револьвер-то мой! Старый знакомый! А я-то его тогда как искал!.. **Наши деревенские уроки стрельбы**, которые я имел честь вам давать, не пропали-таки даром.

— Не **твой** револьвер, а Марфы Петровны, которую **ты** убил, злодей! У **тебя** ничего не было своего в ее доме. Я взяла его, как стала подозревать, на что **ты** способен. Смей шагнуть хоть один шаг, и клянусь, **я убью тебя!** Дуня была в испуге. Револьвер она держала наготове.

— Ну, а брат? Из любопытства спрашиваю, — спросил Свидригайлов, всё еще стоя на месте.

— Доноси, если хочешь! Ни с места! Не сходи! Я выстрелю! **Ты** жену отравил, я знаю, **ты сам убийца!**..

— А вы твердо уверены, что я Марфу Петровну отравил?

— **Ты! Ты** мне сам намекал; **ты** мне говорил об яде... я знаю, **ты** за ним ездил... у **тебя** было готово... Это непременно **ты... подлец!**

— Если бы даже это была и правда, так из-за **тебя** же... все-таки **ты** же была бы причиной.

— Лжешь! Я **тебя** ненавидела всегда, всегда...

— Эге, Авдотья Романовна! **Видно, забыли, как в жару пропаганды уже склонялись и млели... Я по глазкам видел; помните, вечером-то, при луне-то, соловей-то еще свистал?**

— **Лжешь! (бешенство засверкало в глазах Дуни) лжешь, клеветник!**

— **Лгу? Ну, пожалуй, и лгу. Солгал. Женщинам про эти вещицы поминать не следует. (Он усмехнулся). Знаю, что выстрелишь, зверок хорошенький. Ну и стреляй!**

Дуня подняла револьвер и, мертво-бледная, с побелевшею, дрожавшею нижнею губкой, с сверкающими, как огонь, большими черными глазами, смотрела на него, **решившись**, измеряя и выжидая первого движения с его стороны. **Никогда еще он не видал ее столь прекрасною.** Огонь, сверкнувший из глаз ее в ту минуту, когда она поднимала револьвер, точно обжег его, и **сердце его с болью сжалось. Он ступил шаг, и выстрел раздался.** Пуля скользнула по его волосам и ударила сзади в стену. Он остановился и тихо засмеялся:

— Укусила оса! Прямо в голову метит... Что это? Кровь! — Он вынул платок, чтоб обтереть кровь, тоненькою струйкой стекавшую по его правому виску; вероятно, пуля чуть-чуть задела по коже черепа. **Дуня опустила револьвер и смотрела на Свидригайлова не то что в страхе, а в каком-то диком недоумении. Она как бы сама уже не понимала, что такое она сделала и что это делается!**

— Ну что ж, промах! Стреляйте еще, я жду, — тихо проговорил Свидригайлов, всё еще усмехаясь, но как-то мрачно, — этак я **вас** схватить успею, прежде чем **вы** взведете курок!

Дунечка вздрогнула, быстро взвела курок и опять подняла револьвер.

— Оставьте меня! — проговорила она в отчаянии, — клянусь, я опять выстрелю... Я... убью!..

— Ну что ж... в трех шагах и нельзя не убить. Ну а не убьете... тогда... — **Глаза его засверкали, и он ступил еще два шага.**

Дунечка выстрелила, осечка!

— Зарядили неаккуратно. Ничего! У вас там еще есть капсуль. Поправьте, я подожду.

Он стоял перед нею в двух шагах, ждал и смотрел на нее **с дикою решимостью, воспаленно-страстным, тяжелым взглядом. Дуня поняла, что он скорее умрет, чем отпустит ее. «И... и уж, конечно, она убьет его теперь, в двух шагах!..» (Почему кавычки? Чьи это мысли?)**

Вдруг она отбросила револьвер.

— Бросила! — с удивлением проговорил Свидригайлов и **глубоко перевел дух. Что-то как бы разом отошло у него от сердца, и, может быть, не одна тягость смертного страха; да вряд ли он и ощущал его в эту минуту. Это было избавление от другого, более скорбного и мрачного чувства, которого бы он и сам не мог во всей силе определить».**

Обратите внимание: так же, как Соня называет Раскольникову то на *вы*, то на *ты*, Дунечка говорит Свидригайлову *ты*. Это момент понимания и близости: здесь оба — преступники. Свидригайлов провоцирует выстрел, фактически это самоубийство; Дунечка поддается на провокацию и стреляет. Если принять

христианскую логику, лежащую в основе произведения, по которой помысел равен деянию (Раскольников совершает преступление тогда, когда создал теорию, помыслил, что кровь по совести возможна), то Дунечка становится здесь преступницей – не блудницей (как Соня), а убийцей (как брат).

- Дочитайте главу

«— Бросила! — с удивлением проговорил Свидригайлов и глубоко перевел дух. Что-то как бы разом отошло у него от сердца, и, может быть, не одна тягость смертного страха; да вряд ли он и ощущал его в эту минуту. Это было избавление от другого, более скорбного и мрачного чувства, которого бы он и сам не мог во всей силе определить.

Он подошел к Дуне и тихо обнял ее рукой за талию. Она не сопротивлялась, но, вся трепеща как лист, смотрела на него умоляющими глазами. Он было хотел что-то сказать, но только губы его кривились, а выговорить он не мог.

— **Отпусти меня!** — умоляя сказала Дуня. Свидригайлов вздрогнул: это ты было уже как-то не так проговорено, как давешнее.

— **Так не любишь?** — тихо спросил он.

Дуня отрицательно повела головой.

— **И... не можешь?.. Никогда?** — с отчаянием прошептал он.

— **Никогда!** — прошептала Дуня.

Прошло мгновение ужасной, немой борьбы в душе Свидригайлова. Невыразимым взглядом глядел он на нее. Вдруг он отнял руку, отвернулся, быстро отошел к окну и стал пред ним.

Прошло еще мгновение.

— Вот ключ! (Он вынул его из левого кармана пальто и положил сзади себя на стол, не глядя и не оборачиваясь к Дуне). Берите; уходите скорей!..

Он упорно смотрел в окно.

Дуня подошла к столу взять ключ.

— Скорей! Скорей! — повторил Свидригайлов, всё еще не двигаясь и не оборачиваясь. Но в этом «скорей», видно, прозвучала какая-то страшная нотка.

Дуня поняла ее, схватила ключ, бросилась к дверям, быстро отомкнула их и вырвалась из комнаты. Чрез минуту, как безумная, не помня себя, выбежала она на канаву и побежала по направлению к — му мосту.

Свидригайлов простоял еще у окна минуты три; наконец медленно обернулся, осмотрелся кругом и тихо провел ладонью по лбу. Странная улыбка искривила его лицо, жалкая, печальная, слабая улыбка, улыбка отчаяния. Кровь, уже засыхавшая, запачкала ему ладонь; он посмотрел на кровь со злобою; затем намочил полотенце и вымыл себе висок. Револьвер, отброшенный Дуней и отлетевший к дверям, вдруг попался ему на глаза. Он поднял и осмотрел его. Это был маленький, карманный трехударный револьвер, старого устройства; в нем осталось еще два заряда и один капсюль. Один раз можно было выстрелить. Он подумал, сунул револьвер в карман, взял шляпу и вышел».

Лазарь, пребывавший четыре дня во гробе, воскресён по вере любящей сестры. Воскресение Раскольникова, которое читатель видит в эпилоге, возможно усилием любви и веры Сони. Воскресение Свидригайлова невозможно. Далее Свидригайлов посещает невесту, в дрянной гостинице на Петербургской стороне видит кошмарные сны и стреляется («Место хорошее; коли тебя станут спрашивать, так и отвечай, что поехал, дескать, в Америку»).

Перечитайте VI главу VI части. Обратите внимание на последний сон о пятилетней девочке («Что-то бесконечно безобразное и оскорбительное было в этом смехе, в этих глазах, во всей этой мерзости в лице ребенка. «Как! пятилетня! — прошептал в настоящем ужасе Свидригайлов, — это... что ж это такое?»). Сравните ощущение Свидригайлова с ощущениями Пьера Безухова после казни пленных: зло в собственной душе героя страшно, но преодолимо; безграничное зло в мире непреодолимо, приводит к отчаянию.

- Необходимо сказать ещё о значении слов «раскаяние» и «покаяние».

РАСКАЯНИЕ – глубокое переживание, вызывающее у человека не только сожаление по поводу содеянного, но и стремление не допускать подобное в дальнейшей жизни.

ПОКАЯНИЕ — признание в проступке, исповедание в грехах и отвращение от них; одно из таинств православной и католической церквей.

Т.е. раскаяние – чувство, покаяние – действие; чувство раскаяния, выразившееся в действии – покаянии, несёт человеку облегчение. Это то, к чему призывает Раскольников Соня, когда он спрашивает её: «Что теперь делать?» Раскольников действительно идёт на площадь и целует землю, но ничего не происходит: акт совершён, а чувства за ним нет. Свидригайлов же в романе Достоевского переживает обратное: явившиеся жертвы его преступлений – образы мук его совести, но муки эти не реализуются в действии покаяния, и результатом становится самоубийство. Самоубийство, с точки зрения православия, - грех гордыни, т.к. человек берёт на себя роль Бога, лишая себя жизни. Но дело здесь не только в этом. Напомню притчу о рабочих на винограднике.

«Царство Небесное подобно хозяину дома, который вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой и, договорившись с рабочими по динарию на день, послал их в виноградник свой; выйдя около третьего часа, он увидел других, стоящих на торжище празднуя, и им сказал: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, дам вам. Они пошли. Опять выйдя около шестого и девятого часа, сделал то же. Наконец, выйдя около одиннадцатого часа, он нашел других, стоящих празднуя, и говорит им: что вы стоите здесь целый день празднуя? Они говорят ему: никто нас не нанял. Он говорит им: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, получите. Когда же наступил вечер, говорит господин виноградника управителю своему: позови рабочих и отдай им плату, начав с последних до первых. И пришедшие около одиннадцатого часа получили по динарию. Пришедшие же первыми думали, что они получат больше, но получили и они по динарию; и, получив, стали роптать на хозяина дома и говорили: эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной. Он же в ответ сказал одному из них: друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? возьми свое и пойдешь; я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе; разве я не властен в своем доме делать, что хочу? или глаз твой завистлив оттого, что я добр? Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных».(Евангелие от Матфея, глава 20, стихи 1-16)

(Обратите внимание на указания времени и вспомните, когда Соня в первый раз вышла на улицу и когда вернулась, в котором часу Раскольников приходит в комнату Сони в главе IV части IV)

Вот одно из толкований притчи

«Царство Небесное есть Христос. Он уподобляется человеку, потому что принял наш образ. Он домовладыка, так как господствует над домом, то есть церковью. Сей-то Христос исшел из недр Отца и нанимает работников в виноградник, то есть для изучения Писаний и исполнения заповедей, содержащихся там. Можно и так понимать: Он нанимает всякого человека возделывать виноградник, то есть совершенствовать во благом собственную душу. Он нанимает одного утром, то есть в детском возрасте, другого - около третьего часа, то есть в отроческом возрасте, иного около шестого и девятого часа, на двадцать пятом или тридцатом году, вообще, в мужском возрасте, и около одиннадцатого часа - старцев, ибо многие уверовали, будучи уже старцами. <...> те, которые в юности уверовали, несут более труда, чем пришедшие ко Христу в старости. Юноша переносит "тяготу" гнева и зной похоти, а старик спокоен от этого. Тем не менее, все сподобляются одинакового дара Святого Духа. Притча научает нас, что можно и в старости чрез покаяние получить Царство Небесное, ибо старость и обозначается одиннадцатым часом» (Блаженный Феофилакт Болгарский. Толкование на Евангелие от Матфея)

Иными словами, обращение к Богу возможно и «после одиннадцати», перед самой смертью, но не после смерти, только при земной жизни человека. Таким образом, самоубийство, в христианской логике, имеет ещё одно страшное последствие – лишает человеческую души возможности обращения к Богу, обретения Царствия Небесного. Будущую жизнь Свидригайлов представлял как комнатку с пауками по углам, похожую на «баньку деревенскую», и этим ужасом (по справедливости!) заканчивается путь героя-двойника. У Раскольникова другой путь.